

Глава 47. Сладкий сон

Такого не стерпел бы и святой. Лю Тяньцзяо одним резким движением оттолкнул мужа в сторону и соскочил с кровати на пол.

— Настоящий мужчина не поднимет руку на ребёнка или пьяницу, — ворчал он себе под нос, на ходу поправляя одежду. — Потерплю. Ради своего же спокойствия — потерплю.

В этой комнате спать было решительно невозможно. Юноша собрал свои постельные принадлежности и перебрался в комнату покойного отца. Однако обида не желала утихать. Подумать только: он, признанный гроза всей деревни Циншуй, позволил какому-то немощному книжному червю занять над собой верх!

Тяньцзяо распался всё сильнее. В конце концов он не выдержал и вернулся в спальню. Вэй Вэнькан, этот несносный пьяница, уже сладко посапывал, смешно причмокивая губами во сне. Цзяо Гэ'эр остановился над ним, яростно размахивая кулаками в воздухе.

«И как мне его проучить? — он задумчиво нахмурился, глядя на безмятежное лицо мужа. — Может, вытащить из постели да взгреть хорошенько? Нет, нельзя... Ему же завтра в город, на учёбу. А ну как перестараюсь, и он занятия пропустит? Такой талантливый ученик, будущий сюцай... Негоже губить его карьеру собственными руками»

К тому же юноша не мог не признать, что в обычное время Вэнькан — человек в высшей степени учтивый и сдержанный. Если тот и позволил себе лишнее, то лишь по вине хмеля. Неужто он, Тяньцзяо, окажется настолько мелочным, что будет попрекать супруга случайной слабостью?

Взвесив всё «за» и «против», Цзяо Гэ'эр так и не решился на расправу. Вместо этого он принялся щипать и тискать красивое лицо спящего, то растягивая его щеки в стороны, то сминая их в комок. Это занятие оказалось на редкость увлекательным и в некотором роде даже успокаивающим.

***

Пока Тяньцзяо всю ночь мучился сомнениями, виновник его терзаний проснулся утром бодрым и посвежевшим.

— Знаешь, — сообщил он мужу за завтраком, — мне сегодня приснился удивительно сладкий сон. Жаль только, что после пробуждения я совсем не могу вспомнить подробностей.

Юноша, глядя на его слегка припухшее лицо, чувствовал одновременно и гнев, и укол совести.

— Не помнишь — и ладно, — буркнул он. — Велика важность.

— Но сон и впрямь был чудесным. Я проснулся с таким странным чувством... словно потерял нечто очень ценное.

Тяньцзяо нахмурился, ощущая недоброе предчувствие.

— И о чём же был этот твой сон?

Вэнькан на мгновение задумался, прикрыв глаза.

— Точно не скажу... Кажется, я что-то ел. Что-то совсем маленькое, ярко-красное и невероятно вкусное.

«Маленькое... красное...»

Ну и описания у него! Пальцы Тяньцзяо непроизвольно сжались, хрустнув костяшками. Лицо его исказилось в гневной гримасе.

— Вэй Вэнькан, — прошипел он сквозь зубы, — я и подумать не мог, что ты окажешься таким бесстыдником.

Собеседник непонимающе моргнул:

— Да что такого? Подумаешь, привиделось во сне, что лакоплюсь чем-то. С чего ты так вскипятился?

— Да потому что имею право! — юношу так и обдало ледяной яростью. — И если ты не замолчишь прямо сейчас, я не побрезгую разозлиться ещё сильнее!

Видя, что супруг готов в любой миг сорваться на крик, Вэнькан благоразумно прикусил язык. Как говорится: «Мудрый знает, когда стоит отступить». Он считал себя человеком благородным, а благородный муж просто обязан быть осмотрительным.

***

Даже успех на экзамене и место в первой полусотне не отменяли того факта, что Вэнькан всё ещё оставался простым мирянином без официального титула. Закончив праздновать, он по привычке помог по хозяйству, собрал вещи и отправился в частную школу.

Тяньцзяо же, напротив, пребывал в самом приподнятом расположении духа. По пути из города многие сельчане первыми останавливали его, чтобы перекинуться парой слов.

— Цзяо Гэ'эр, неужто правда, что мальчишка Вэй получил награду от самого уездного начальника?

— Говорят, десять лянов серебра заработал? Пресвятые небеса! Десять лянов! Иной семье год спину гнуть, чтобы столько выручить, а тут — за один день на экзамене!

Юноша лишь слегка приподнял уголки губ. Его сдержанная радость, лишённая чрезмерного хвастовства, сейчас на девяносто процентов напоминала манеру самого Вэнькана.

— Повезло, чистое везение. Он ведь всего несколько месяцев за книгами просидел. Кто же знал, что удача так ему улыбнётся?

— И то верно! Как вспомнишь — он ведь в частную школу-то пошёл, считай, только вчера. Удивительно!

— А ведь помните, как судачили, будто из него толку не выйдет? Видать, просто наставник нужен был правильный. Теперь вот попал к учителю Вану — тот его и наставил на путь истинный.

— Да уж, — кивали бабы, — это у Цзяо Гэ'эра глаз острый. Сразу углядел в парне задатки. Будет теперь до конца дней как сыр в масле кататься.

Молодой человек только отмахивался:

— Что вы такое говорите, тётушки. Я за него пошёл только потому, что отец так велел. Это у отца моего глаз был острый, не у меня.

— Верно-верно... Старший Лю всегда был человеком дальновидным. И добрым к тому же... Жаль его, ох как жаль.

— Да, я до сих пор помню, — подхватила одна из женщин. — В тот год, когда разлив был, мой малец в воду свалился. Волна его накрыла — только макушку и видели. Я в крик, думала — всё, не видать мне сына живым. И тут Лю Дахуа как прыгнет! Бамбуковым шестом его подцепил, вытащил... Воду из него вытряхнул, малец как заорёт — и ведь ничего ему не сделалось, целёхонек!

Она рассказывала взахлёб, а окружающие слушали, затаив дыхание, и вставляли сочувственные возгласы. Все наперебой хвалили Старшего Лю за его мастерство и доброе сердце.

Тяньцзяо лишь молча улыбался. Пока их семья на коне, все поют им дифирамбы. Стоит оступиться — и заговорят совсем иначе.

Вот хотя бы эта женщина, что вспоминала про спасение сына. Если она так хранит благодарность, почему же после смерти его отца первая распускала злые сплетни? Юноша был хоть и мал тогда, но память имел крепкую. Он отлично помнил, как в деревне кто-то помянул добрым словом его отца за тот случай, а она в ответ только фыркнула:

«Подумаешь, спас! — ворчала она тогда соседям. — Старший Лю ведь плавал как рыба, чего ему стоило в воду прыгнуть? А он только палкой своей тыкал с берега, ребёнок из-за него страху натерпелся. Тоже мне, благодетель!»

Насмотревшись на такое, Тяньцзяо давно перестал питать иллюзии насчёт односельчан. Все они под маской «честных тружеников» прятали одну лишь трусость да желание выгадать за чужой счёт. Вся их порядочность — не более чем красивое слово для прикрытия малодушия и привычки пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

***

Когда разговоры о Вэнькане наскучили, сплетники переключились на Лю Чэнци. Стоило им собраться вместе — и они казались братьями и сёстрами, но едва кто-то один скрывался за поворотом, как тут же сам становился мишенью для пересудов.

— Сяо Цянь-ши на каждом углу трезвонила, какой её Чэнци учёный, как его учитель хвалит... Что-то нынче её не слышать. Неужто на экзамен не поехал?

— Как не поехал! — тут же отозвался кто-то. — Своими глазами видел: отец его к семье Чжэн бегал, вола с телегой одалживал.

— Чудеса, да и только. Учитывая, как эти двое любят пыль в глаза пускать, они бы уже давно всю деревню на уши подняли, будь хоть какой-то результат.

— Да что тут гадать? Провалился он, — прошептал кто-то, таинственно оглядываясь. — У меня племянник в той же школе учится, так он сказывал: Лю Чэнци подкупом выманил у учителя право на экзамен пойти!

— Да неужто? С виду такой парень тихий... Кто бы мог подумать.

— Истинная правда! Одно дело, если бы сдал — тогда бы всё шито-крыто. А теперь, когда он в списке даже в хвосте не показался, в школе такой шум поднялся! Ученики требуют ответа от наставника. Говорят, Чэнци ещё вчера домой сбежал — житья ему там не дали.

— Ох, матушки! Да там в старом доме, поди, уже стены трясутся!

***

Предчувствие сплетников не обмануло — в старом доме семьи Лю и впрямь воцарился хаос. Лю Чэнци и представить не мог, что его план провалится. Он столько сил положил на то, чтобы улестить наставника и получить заветное место, надеясь прославиться... а в итоге даже в список пятидесяти лучших не попал.

Удача отвернулась от него в самый неподходящий момент. Юноша за огромные деньги выведал темы для политического эссе, нанял человека, чтобы тот написал текст в угоду вкусам уездного начальника, и на самом экзамене безупречно переписал всё слово в слово. Казалось бы — успех в кармане! Но кто же знал, что судья внезапно решит сделать упор на знание основ?

Бедняга Чэнци всё время потратил на зазубривание эссе, а на простейших толкованиях канонов посыпался. Несколько досадных промахов — и его имя вычеркнули из списка счастливиц.

Но беда не приходит одна. Другие ученики, возмущённые тем, что посредственному парню отдали экзаменационное место, принялись копать под него. Через служанку в доме учителя они узнали постыдную тайну: оказывается, Лю Чэнци водил своего наставника — человека, как известно, находящегося под каблуком у жены, — в «весёлые кварталы»!

Ученик, заманивающий учителя в бордель — случай неслыханный! Сплетня разлетелась быстрее лесного пожара. Разумеется, новости дошли и до старой семьи Лю.

Гуань-ши сидела прямо на земле во дворе и голосила на всю округу:

— Так вот оно что! Я-то гадала, куда деньги деваются! Столько лет всей семьёй хребет гнули... Не сотни, так десятков восемь-девять лянов точно в закромах было! А как заикнулась, чтобы моего Тунчжу в школу отдать — так сразу в слёзы, мол, в кошельке пусто! Оказывается, все деньги в вонючую дыру по имени старший внучек улетели!

Старуха Лю аж задохнулась от ярости:

— Ты на кого рот разеваешь, потаскуха?! Восемьдесят лянов ей подавай! Да за тебя, если на панель выставить, и ломаного гроша не дадут!

Оскорбление было слишком тяжким. Невестка с воплем кинулась на свекровь, намереваясь вцепиться той в лицо:

— Так вот в кого Третий Лю в блуд пошёл! Видать, у тебя, старой бесстыдницы, научился! Невестку «потаскухой» честить — язык-то не отсохнет? О репутации внуков своих совсем не печёшься?!

Мать Лю и не думала отступать. Слюни летели изо рта во все стороны:

— А кто ты есть, если не потаскуха? Посмотри, в чём вырядилась! Идёт — задом крутит, как змея подкодная! Ещё смеешь других попрекать? Да ты сама только и ждёшь, чтобы под кого-нибудь лечь!

С тех пор как Лю Лаосань слёг парализованным, Гуань-ши совсем отбилась от рук. Свекровь для неё теперь была пустым местом. Старуха Лю долго терпела её косые взгляды и дерзкие речи, и сегодня плотину окончательно прорвало.

— Не думай, что раз мой сын калека, так я на тебя управы не найду! Доведёшь — в шею вытолкаю из дома с разводной запиской! Катись к своей родне. Посмотрим, кому ты там нужна будешь, стерва!

Цзян-ши и Сунь-ши, делавшие вид, что пытаются их разнять, на самом деле и не думали помогать. Гуань-ши, улучив момент, когда «помощницы» ослабили хватку, вцепилась в жидкие волосы свекрови и с силой рванула на себя. Приличный клочок остался в её кулаке.

— Выгоняй! Давай, пиши записку! В округе вдовцов да бобылей — тьма тьмушная! Да я в любой дом пойду хозяйкой, и везде меня будут за ноги мыть да воду пить! Буду я тут ещё на калеку горбатиться да от тебя, старой ведьмы, помои слушать!

Старая женщина взвыла от боли, из глаз её брызнули слёзы.

— Матушка! — Лю Лаоэр с братьями кинулись растаскивать дерущихся.

Но старуха Лю была не из тех, кто спускает обиды. Почувствовав поддержку сыновей, она изловчилась и со всей силы пнула невестку. Та, взвизгнув от боли, снова полезла в драку. В доме воцарился неопиcуемый хаос.

<http://bllate.org/book/15343/1416915>